

## Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны <sup>1)</sup>.

*1915 годъ 1—5 января.* За эти дни наши войска заняли г. Серпецъ на правомъ берегу р. Вислы, и нѣмцы, тѣснимые нами, пытались удержаться на р. Скрвѣ, а затѣмъ отступили на сѣверъ.

На Варшавскомъ фронтѣ были яростныя, частныя атаки у Боржимово-Рава, Гумина, при чемъ съ особой энергіей атаковали 6-ю полками послѣднюю деревню, но повсюду были отбиты со страшными потерями.

Изъ Краковскихъ укрѣпленій орудіями большого калибра австрійцы обстрѣливали Тарновъ, а въ Буковинѣ мы овладѣли проходомъ Кирлибаба.

На Кавказѣ Караурганское сраженіе закончилось полной побѣдой надъ турками.

Слышалъ, что австрійцы въ скоромъ времени будутъ предпринимать энергичное наступленіи съ разныхъ сторонъ для освобожденія Перемышля. Въ этой крѣпости обнаруживается острый недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, которыхъ едва-ли хватить на 2, 2½ мѣсяца.

Пропускъ сѣстныхъ припасовъ въ нейтральныя страны дѣло темное. Никто не можетъ рѣшить, куда идутъ эти припасы: на довольствіе ли нейтральной страны или для продажи въ животы одной изъ воюющихъ сторонъ. Казалось бы, что

<sup>1)</sup> См. „Русск. Стар.“ мартъ 1915 г.

теперь изъ Россіи не слѣдуетъ допускать никакого вывоза съѣстныхъ припасовъ въ нейтральныя страны.

• —————

Одинъ купецъ рассказывалъ, что якобы передъ войной Финляндія запрдала въ Германію хлѣбъ, полученный для довольствія своей страны, а образовавшійся недостатокъ хлѣба пополнила запасами изъ Россіи.

—————

Цѣны на жизненные припасы и дрова въ Петроградѣ поднимаются все выше и выше. Отцы города все говорятъ и говорятъ, но ничего не дѣлаютъ. Они думали, что припасы свалятся къ нимъ съ неба.

Купцы жалуются на трудность получить вагоны для перевозки грузовъ и на громадныя цѣны ломовиковъ для перевозки грузовъ отъ вокзаловъ. Патріотизмъ продовольственнаго купеческаго сословія заслуживаетъ самаго глубокаго презрѣнія. Одна у нихъ только цѣль—набить свой толстый карманъ.

—————

Слышалъ рассказы о томъ, что германскіе плѣнные генералы и штабъ-офицеры скрываютъ у насъ свои чины и выдаютъ себя за офицеровъ ландштурма. Были неоднократно случаи, когда при входѣ въ помещеніе такого офицера всѣ плѣнные вскакивали и вытягивались, по нѣмецкому обычаю, какъ проглотившіе аршинъ.

Необычайнаго къ себѣ высокопочитанія отъ всѣхъ подчиненныхъ требуетъ на западномъ фронтѣ генералъ Эмихъ. При его выходѣ аршинъ глотаютъ не только чины штаба его арміи, но даже начальники дивизій, командиры корпусовъ, а также высокопоставленные, именитые принцы.

—————

Въ своихъ замѣткахъ за прошлый мѣсяць я обѣщалъ привести дивное повѣствованіе В. И. Немировича-Данченко о нашихъ сестрахъ милосердія, нашихъ врагахъ и о нашемъ „Красномъ Крестѣ“. Вотъ это вдохновенное повѣствованіе <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> „Русское Слово“, 29 декабря 1914 г.

„Какъ часто сердце сжималось, когда въ это сплошное несчастье васъ забросить въ наши лазареты, на станціи, гдѣ сложены раненые, на поѣзда, которые везутъ ихъ прочь отъ боевыхъ полей. Вѣдь, кажется, чему тутъ радоваться? Кругомъ одинъ сплошной ужасъ. Ужасъ въ зіяющихъ дыркахъ, сочащихъ драгоценную кровь уходящей жизни; въ осколкахъ костей, торчащихъ изъ развороченнаго мяса, въ раздробленныхъ черепкахъ... Но тутъ же, рядомъ, ангелами Силоамской купели являются намъ наши святые подвижницы, чудесныя печальницы сказочныхъ витязей, наши сестры милосердія, самоотверженные, не знающіе сна и отдыха врачи и вся эта славная армія „Краснаго Креста“, на невиданную доселѣ высоту поднявшая въ эту войну свое великое дѣло. Тѣ, кто ихъ видитъ на пути, повади, въ тылу, не имѣютъ понятія, что за египетскій трудъ достается этимъ подвижникамъ и страстотерпцамъ милосердія! Ихъ надо видѣть на страдѣ, часто подъ огнемъ, всегда въ страшныхъ лишеніяхъ, въ обстановкѣ, въ которой самое существованіе является непонятнымъ, невозможнымъ для людей, привыкшихъ къ инымъ условіямъ жизни. Я не говорю о работѣ надъ ранеными: это—подвигъ, поглощающій всего человѣка такъ, что у него не остается и мысли о чемъ-нибудь другомъ. Тутъ, вѣдь, мало стричь отмершее тѣло, перевязывать, смывать гной... Надо все это освѣтить лаской, нѣжною, кроткою улыбкой, чтобы она отразилась въ полной страданій душѣ сраженнаго бойца. Надо часто бодрою шуткою убить въ немъ чувство боли, заставить эти слипшіяся губы улыбнуться, смежившіяся вѣки—открыться и гаснущій взглядъ—загорѣться огнемъ возвращающейся жизни. Иногда мягкая женская рука на горячемъ лбу мученика даетъ ему больше, чѣмъ вся медицина, взятая вмѣстѣ. Часто смѣливый врачъ сразу вернетъ раненому жажду, страстную жажду опять увидѣть солнце, опять задышать смѣло и вольно вольнымъ воздухомъ родныхъ полей. И улыбаться, и ласкать, и примирять съ нечеловѣческой мукой надо, вѣдь, не часъ или два, а сплошь недѣли и мѣсяцы, когда уже тысячи носилокъ сложили передъ вами на солому передового лазарета измученныхъ людей. Надо умѣть не устать, надо привыкнуть не утратить самой или самому душевной силы, не дать сердцу зарости мозолями отъ вѣчнаго зрѣлища однѣхъ и тѣхъ же картинъ, держать его настежь открытымъ, чтобы ни одинъ стонъ, ни одинъ вздохъ не угасли въ душной, запахомъ крови пропитанной халупѣ безъ вашего отвѣтнаго слова, привѣта, утѣшенія. Прежде чѣмъ подать помощь раненому,—это всякъ

сумѣть,—надо, чтобы онъ сразу почувствовалъ себя въ родныхъ, теплыхъ, ласковыхъ рукахъ, понялъ, что онъ не брошенъ, не забытъ, что надъ нимъ не посторонніе люди свершаютъ свое казенное дѣло, но свои, семья; сестра—дѣйствительно его сестра, братъ—его братъ. Надо, чтобы въ аду этой безпримѣрной войны онъ вдругъ созналъ себя не простымъ солдатомъ, даже не лучезарнымъ героемъ, а близкимъ, кровно близкимъ вамъ человекомъ, за котораго вы сами готовы отдать не только свой трудъ, но и свою душу, свою мысль, трепеть лучшихъ вашихъ желаній, неутомимую потребность помочь ему, спасти, наполнить его надеждою, поднять его вѣру до чуда, до воскресенія изъ мертвыхъ... Пусть онъ узнаетъ вмѣстѣ съ сотнями такихъ же, что имъ въ его грязной корѣ (окопы не красятъ, и мыться тамъ негдѣ!), въ его вшивой рубахѣ никто, ни на одно мгновеніе не тяготится. Пусть острый воспаленный взглядъ раненаго не подмѣтитъ въ вашемъ лицѣ ни брезгливости, ни отвращенія. Вѣдь, попадая въ женскія руки, онъ часто полонъ стыда и смущенія; надо и сестрѣ, и врачу сразу убить въ немъ растерянность: дѣломъ, словомъ, тономъ голоса, часто повелительною ноткой, ободряющей шуткой дать ему понять, что ничего неопытнаго, стыднаго, смущающаго въ этой грязной работѣ нѣтъ и быть не можетъ. Въ свое время я дамъ полную картину удивительной страды русскаго „Краснаго Креста“, юность котораго я видѣлъ въ 1877—78 годахъ, въ русско-турецкую войну, потомъ наблюдалъ, какъ онъ росъ, и сейчасъ встрѣчаю его окрѣпшимъ и развернувшимся на громадномъ фронтѣ этой первой во всемирной исторіи войны, среди ея милліонныхъ армій. Не растеряться въ такимъ масштабахъ—ужь само по себѣ большая заслуга, и ее необходимо признать за нимъ. Вѣдь, никто не ожидалъ, чтобы международные вопросы такъ быстро привели всѣхъ къ этому знаменателю. Думали, что долгіе годы пройдутъ, прежде чѣмъ разразится этотъ катаклизмъ, равнаго которому не было и не будетъ. Нельзя поэтому и требовать, чтобы всѣ и все оказались неожиданно на такой высотѣ. Посмотрите, что творится у нѣмцевъ, побившихъ всѣ рекорды техники и подготовки. Тамъ добиваются, случается, раненыхъ, бросаютъ ихъ. Нашихъ не пользуют. У насъ ничего подобнаго: не только своихъ,—мы подбираемъ и раненаго врага. Наше милосердіе широко открыло свои двери и своимъ, и чужимъ. Часто у насъ мало средствъ, но они одинаково принадлежатъ всѣмъ страждущимъ. Еще вчера нѣмецъ съ пробитою навывлетъ грудью говорилъ при мнѣ: „У насъ мы

три дня ничего не ѣли. Что было,—понадобилось для здоровыхъ на боевыя позиціи. Въ первый разъ я былъ перевязанъ и накормленъ у васъ въ „Красномъ Крестѣ“. Мы у себя не встрѣчали такихъ сестеръ, и, если бы наши узнали о нихъ, уваженіе къ великодушному нашему врагу выросло бы въ Германіи. Мы и теперь по обращенію съ нами въ русскихъ лазаретахъ видимъ, какъ кайзеръ лгалъ на Россію. Зачѣмъ это нужно было,—пусть его судитъ Богъ, но на каждомъ шагу, съ тѣхъ поръ, какъ меня подняли ваши солдаты и доставили въ передовой лазаретъ, я видѣлъ, что въ словахъ нашего Императора не было ни одного слова правды... Ни одного слова правды!..“.

Въ то самое время, когда наши врачи и сестры милосердія несутъ свой евангельскій подвигъ по отношенію къ своимъ и къ германцамъ и австрійцамъ, въ это же время бывший учитель въ Вестфаліи г. Липшринге Тофаль, произведенный въ прапорщики германскихъ войскъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ <sup>1)</sup> по поводу разстрѣла въ его присутствіи третьяго изъ взятыхъ бельгійцевъ по подозрѣнію въ франкतिристствѣ:

„Если ужъ намъ приходится погибать при столь варварскихъ обстоятельствахъ, то лучше не оставлять камня на камнѣ и избивать безъ разбора и правыхъ, и виновныхъ“.

Въ настоящее время безпросвѣтнаго пьянства германской арміи въ бою и до боя, и необычайной трезвости нашей доблестной арміи очень трогательно прочесть письмо о трезвенности въ самой Россіи <sup>2)</sup>:

„Не могу не привести здѣсь и отзывъ крестьянъ, представителей одного сельскаго общества изъ Псковской губерніи, прибывшихъ въ Петроградъ въ качествѣ ходатаевъ своего общества.“

На мои разспросы объ ихъ житьѣ-бытьѣ, крестьяне прежде всего принялись рассказывать о томъ, какое вліяніе имѣло на жизнь ихъ села запрещеніе продажи водки.

— Думали, совсѣмъ пропадемъ. Такъ сильно пилъ народъ въ послѣдніе годы, какъ будто люди очумѣли. Пьютъ, бывало,

<sup>1)</sup> г. Temps.

<sup>2)</sup> „Нов. Вр.“ 29 дек. 1914 г.

и старые, и малые. Что ни праздникъ, то поголовное пьянство, шумъ, скандалъ, бой. Пьянствуютъ и послѣ праздника два-три дня, пока опамятуются. Справятся, а тамъ глядишь: опять праздникъ, опять принимаются за то же. Всѣ ребята спились. Бывало, нѣтъ прохода ни старымъ, ни малымъ, а то, того и гляди, спалятъ. Сколько губили народа. Кого ножомъ, кого дубьемъ. Потеряли совсѣмъ Бога. А теперь точно въ сказкѣ все перемѣнилось. Не узнать людей, стали другіе. Кто раньше пропивалъ всѣ свои достатки, даже человѣческій образъ, сначала безъ водки мучились, а потомъ снова принялись за работу... и теперь совсѣмъ другіе люди. Пустѣвшіе храмы Божіи опять, какъ въ старину, полны народу. Да и что дѣлать намъ въ праздникъ, если нѣтъ проклятаго, чортоваго зелья. Смиловался Батюшка Небесный, переродилъ насъ. Вотъ только все говорятъ, пиво скоро откроютъ. По-нашему для крестьянина оно — не лучше водки. Въ нашемъ уѣздѣ не было деревушки передъ войной, гдѣ бы не было пивной лавки“.

Петроградскому обывателю очень было бы желательно знать, было ли что-либо сдѣлано нѣмецкимъ колоніямъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, когда высадившійся тамъ турецкій развѣздъ для взрыва моста у Рени, въ теченіи двухъ сутокъ, пройдя болѣе ста верстъ, укрывался, слѣдуя отъ одного нѣмецкаго села въ другое. По сіе время еще не послѣдовало никакого разъясненія о семъ событіи.

Германскіе начальники придумали зимою новый способъ скрывать свои потери. Трупы убитыхъ германцевъ связываютъ плотно по три вмѣстѣ желѣзными обручами, набиваютъ ими вагоны до верху и вывозятъ подальше отъ боевыхъ полей, тамъ вырываютъ канавы, въ которыхъ закапываютъ убитыхъ. Одинъ изъ корреспондентовъ Морисъ Штраусъ приводитъ по этому поводу такое сказаніе <sup>1)</sup>.

„Уѣзжая изъ Берлина, Штраусъ на вокзалѣ замѣтилъ, что жандармъ, провѣряющій паспорта, блѣденъ, какъ полотно, и весь дрожитъ. Штраусъ участливо спросилъ жандарма, что съ нимъ.

<sup>1)</sup> „Русс. Слово“ 31 дек. 1914 г

— Ахъ, сударь,—отвѣчалъ тотъ, — если бы вы только видѣли...

Его голосъ задрожалъ и, указывая на длинный поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути, жандармъ тихо прибавилъ:

— Этотъ поѣздъ полонъ трупами. Вагоны набиты ими до самой крыши“.

Властями воспрещено распространение въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сборника извѣстныхъ статей Ренникова „Въ странѣ чудесъ“ въ латышскомъ переводѣ. Имѣвшіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры конфискованы. Распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе ходатайства предводителя Пиларъ фонъ-Пильхау <sup>1)</sup>.

Въ одной изъ корреспонденцій <sup>2)</sup> приводится удивительный подвигъ въ Плешенѣ прапорщика князя А., одного изъ легендарныхъ кавказскихъ полковъ:

„Цѣлый городъ, Плешенъ съ войскомъ, полный жителей И отъ него къ границѣ патрули, заставы, обозы, парки, и что еще тамъ,—можете представить себѣ сами! Князя это нисколько не пугаетъ. Онъ врывается въ Плешенъ, прямо на почту, захватываетъ офиціальную и, главное, военную корреспонденцію, уничтожаетъ при этомъ охрану изъ несравненно многочисленнѣйшаго ландштурма. Въ городѣ паника. Никто толкомъ не сообразитъ, что ворвалась горсточка нашихъ молодцовъ, что раздавить ее — вопросъ одной минуты. Бѣгутъ въ поля кругомъ, бросаютъ все; пѣхота запирается въ казармахъ. Въ опрометѣ и суматохѣ нѣмцы изъ оконъ стрѣляютъ одни въ другихъ, а прапорщикъ спокойно возвращается въ полкъ. Спокойно, но раненый въ глазъ и ухо“.

Священникъ одного изъ нашихъ полковъ, расположенныхъ на самой границѣ Восточной Пруссіи, осмотрѣлъ полковую церковь, въ которой временно побывали германцы. Они разграбили весь храмъ; св. иконы были разсѣчены шашками и проколоты штыками; повсюду оставлены нечистоты, изъ которыхъ вынута шесть иконъ. На престолѣ лежали пустыя винныя бутылки и жестянки изъ-подъ консервовъ.

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“ 4 января сего года.

<sup>2)</sup> „Русское Слово“ 3 января сего года.

Читалъ изумительныя сказанія о работахъ въ настоящее время въ Россіи четырехъ германскихъ заводовъ акціонернаго общества „Б. Гантке“, изготовляющихъ рельсы, лопаты, снаряды, колючую проволоку и другіе предметы военнаго снаряженія. Одинъ заводъ въ Ченстоховѣ занятъ германцами и работаетъ во всю, другой въ Варшавѣ, третій въ Екатеринославѣ и четвертый въ Саратовѣ. Все правленіе—германскіе подданные, проживающіе въ Германіи и теперь черезъ Копенгагенъ всѣмъ распоряжающіеся. Это господа Каро, Цутеркандль, Брандъ, Фридендеръ, Бетхке, Вольфъ, Уитльманъ и Шальша. Почти всѣ акціи принадлежатъ нѣмцамъ, увезшимъ всѣ торговыя книги въ Берлинъ. Небольшое количество русскихъ акціонеровъ ничего не можетъ подѣлать, такъ какъ служащіе на заводахъ не исполняютъ ихъ постановленій. Три завода въ Россіи все уменьшаютъ и уменьшаютъ свою дѣятельность, а заводъ въ Ченстоховѣ все увеличиваетъ и увеличиваетъ.

5—8 января. Повсюду происходили частныя бои. На правомъ берегу Вислы у Конопки, Радзанова, Бѣжуна, Добржина и Скемпе.

На лѣвомъ берегу Вислы на Варшавскомъ фронтѣ, нѣмцы переходили въ наступленіе ночью на линіи Гулка — Висувка, но во время обнаруженные, при помощи прожекторовъ, они были остановлены и разбѣяны нашимъ огнемъ. Дѣйствія нашихъ и непріятельскихъ прожекторовъ картинно описывается въ одной изъ корреспонденцій <sup>1)</sup>.

„Вонъ засвѣтился тамъ черезъ провалъ неугомонной рѣки яркій синеватый глазъ. Бросилъ сюда блѣдный лучъ, точно призрачный мостъ изъ свѣта. Ходитъ этотъ лучъ во всѣ стороны, шаритъ откосы, стѣны домовъ, въ каждое окно ихъ нижется, скользитъ отъ кровель къ землѣ. Бѣда показаться въ его зыбкой, скользящей лентѣ. Каждый силуэтъ на ней сторожатъ невидимыя дула. Точно громадное фосфорическое чудовище оттуда забрасываетъ сюда свои холодныя сквозныя щупальца. Прожекторъ и отсюда, отъ насъ, работаетъ на ту сторону. Тоже ищетъ, намѣчаетъ, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ, выхватываетъ изъ мрака соломенныя кровли, покосившіеся заборы, убогія стѣны. Лучи встрѣчаются, сливаются, скрещиваются и, свившись на одно мгновеніе, расползаются. Иной

<sup>1)</sup> „Рус. Сл.“ 30 дек. 1914 г.



разъ длинная лента протянется далеко-далеко,—и вдругъ подъ нею выступятъ темень соннаго лѣса, башня костела или медлительно ползущій обозъ... А кругомъ орутъ стальные пасти орудій, вспыхивая огненнымъ дыханьемъ, рождаются и умираютъ искры лопающихся шрапнелей“...

На этомъ же фронтѣ германцы вели наступленіе, освѣщая его прожекторами въ районѣ Витковице, но были отбиты.

Въ Буковинѣ заняты нами Іоганешти и Ворохта.

Въ Западной Галиціи у М. Радлова нѣмцы густыми цѣпами дошли до проволочныхъ загражденій нашихъ укрѣпленій и, понеся отъ нашего огня большія потери, отступили. Наши противники разбрасываютъ наглыя прокламаціи.

На Кавказѣ въ Зачорохскомъ краѣ вытѣсненіе противника идетъ успѣшно.

---

Одна изъ германскихъ ночныхъ атакъ описывается слѣдующимъ образомъ въ одной изъ корреспонденцій:

„Точно стая птицъ пролетѣла съ непріятельской стороны черезъ наши окопы. Крр...я, крр...я, кр...я! раздались оглушительные взрывы въ паркѣ. Дзнь!.. завязжала шрапнель, блеснувъ своимъ фіолетовымъ огонькомъ надъ ближайшимъ домомъ. Впереди окоповъ начали вырисовываться черныя силуэты отдѣльныхъ людей, за ними двигались темныя линіи.—Нѣмцы идутъ въ атаку, приготовсь!.. — передается между солдатами. Въ окопахъ все замерло. Взоры всѣхъ обращены впередъ, ружья на-готовѣ, курки взведены. Уже въ темнотѣ можно различить непріятельскія цѣпи и за ними колонны. Слышится и шелканье ножей о стволы винтовокъ; теперь врагъ для насъ не опасенъ, такъ какъ съ примкнутымъ ножомъ не можетъ стрѣлять.

И вдругъ произошло то, чего не въ состояніи описать ни одно перо. Все — и ружья, и пулеметы, и орудія слились въ общій гулъ, который волной перекатывался по всему фронту отъ одного фланга къ другому.

Будучи встрѣчены металлическимъ дождемъ, враги замялись на мѣстѣ и остановились. Нѣсколько темныхъ фигуръ выдѣлилось было впередъ, но тотчасъ упали, словно подкошенные. И вмигъ стройныя линіи приняли безформенныя очертанія и устремились назадъ. Звонятъ телефонныя аппараты съ доброю вѣстью: атака отбита.

Понемногу утихаютъ орудія, затихаютъ пулеметы, и ружейная пальба переходитъ опять въ отдѣльные выстрѣлы. Въ окопахъ провѣряютъ людей, впереди видны трупы, слышны стоны умирающихъ; точно тѣни, движутся санитары за ранеными“.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ на Западномъ фронтѣ Дьяковъ-Тарасовъ, такимъ образомъ описываетъ <sup>1)</sup> разговоры французскаго солдата о русской арміи и Россіи:

„Пропали нѣмцы!

— Пропали! Конечно, пропали!—убѣжденно и радостно подтверждаютъ окружающіе.

— Тутъ нельзя сомнѣваться, — продолжаетъ солдатъ. Мы знаемъ, что Россія можетъ безконечно формировать все новыя и новыя войска. Боже мой, сколько тамъ народу! Я, вѣдь, только теперь, во время войны, узналъ, какое это могущественное государство, эта Россія. Какое пространство! Раньше что мы о ней знали? Ничего! Въ школѣ у насъ изучаютъ только Францію. О другихъ государствахъ мы почти ничего не знаемъ. А о Россіи тѣмъ болѣе. Есть тамъ, въ Азіи, какая-то всегда покрытая снѣгомъ страна—Россія, громадное, но очень бѣдное государство, съ которымъ мы въ союзѣ. Вотъ и все. А теперь я самъ разсматривалъ карту Россіи: вотъ величина-то!.. И народъ не только храбрый, но и съ большимъ характеромъ: раньше такъ много пили спирту, а теперь вотъ сразу рѣшили не пить, и не пьютъ. А? Вотъ это такъ“!

9-ю января. Сообщаютъ, что въ древнепрестольномъ Кіевѣ хоть прудъ пруди въ различныхъ промышленныхъ, акціонерныхъ и иныхъ учрежденіяхъ изъ Блюмъ, Эйгнеровъ, Мандлей, Вейзе, Столенберговъ, Планковъ, Груберовъ, Вольшмиами, Вернеровъ, Ратгаузовъ, Розенблатовъ и тому подобныхъ безъ счету.

Пароходы по Днѣпру управляются капитанами нѣмцами, почему-то забывающими поднимать флаги на судахъ въ Царскіе дни.

Великое дѣло творить наша армія въ эту великую войну. Ея заслуги родинѣ безсильно изобразить мое слабое перо, и на прежнихъ страницахъ замѣтокъ были воспроизведены див-

<sup>1)</sup> „Русское Слово“ 8-го января сего года.

ныя сказанія о ней В. И. Немировича-Данченко. Мы же лично упомянули только то, что героями великой войны надлежитъ считать русскаго генерала, русскаго офицера, русскаго солдата и весь великій русскій народъ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ объ одной, новой части, офицерскаго состава нашей арміи, проявившей себя, съ особымъ отличіемъ, въ эту кампанію — это такъ называемые, прапорщики запаса.

Безподобный, постоянный офицерскій составъ нашей арміи, конечно, идетъ внѣ всякаго конкурса. Доказательство этому на-лицо въ тѣхъ частяхъ, гдѣ эти составы перемѣнялись нѣсколько разъ, сохраняя свою часть въ блестящемъ порядкѣ.

Другое совсѣмъ дѣло, пришлые въ офицерскій составъ отдѣльныхъ частей люди прямо изъ народной массы, это прапорщики запаса, люди, получившіе среднее или высшее образованіе и отбывшіе нѣсколько лагерныхъ сборовъ. Вотъ эти-то прапорщики запаса въ эту великую войну значительно усилили, съ большою честью, офицерскій составъ нашихъ миллионныхъ армій. Многіе изъ нихъ въ мирное время занимали по гражданской службѣ видныя должности, а на войнѣ, съ особымъ достоинствомъ, исполняли обязанности младшаго офицера. Мнѣ лично пришлось имѣть сношеніе съ такимъ лицомъ, уже имѣвшимъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

По свидѣтельству многихъ, прапорщики запаса съ великой честью вели себя въ бою, въ походѣ и на отдыхѣ.

Надлежитъ вспомнить добрымъ словомъ тѣхъ лицъ, которыя выковали эту страшную силу для русской арміи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда стоявшій у военной власти военный министръ, генералъ-адъютантъ Ванновскій, не признавалъ значенія этой силы, и гнулъ своей упорной волей, на усиленіе въ военное время офицерскаго состава производствомъ изъ нижнихъ чиновъ.

Высокій, почти геніальный, умъ тогдашняго начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Обручева подсказалъ ему, какую огромную пользу принесетъ эта категорія офицерскаго запаса въ будущее время—и вотъ онъ, не взирая на противодействие свѣше, съ необычайнымъ разумомъ и настойчивостью разрабатывалъ и проводилъ въ жизнь мирную подготовку прапорщиковъ запаса. Ревностнымъ и способнымъ сотрудникомъ генералъ-адъютанту Обручеву въ этомъ важномъ дѣлѣ былъ

молодой капитанъ генеральнаго штаба Свѣтловъ, занимавшій мѣсто начальника отдѣленія, и положившій свои силы и способности на созданіе этого отдѣла военной мощи Россіи.

Пропустилъ давно записать о слышанной мною уже давно очень интересной лекціи профессора Арабажина „О Польшѣ“.

Авторъ излагалъ предъидущую исторію Польши, ея политическіе идеалы и особенно настаивалъ на томъ, чтобы будущее ея устройство было своимъ, внутреннимъ дѣломъ Россіи, ея Государственной Думы, ея Государственнаго Совѣта, а отнюдь не дѣломъ политическихъ конгрессовъ.

Тоже слышалъ высокаго интереса лекцію о Прибалтійскомъ Краѣ, депутата Государственной Думы князя Мансырева. Лекторъ тонкій знатокъ этого края и его особо привилегированныхъ законовъ, картинно изложилъ исторію этого края и искусстваго проведенія въ жизнь балтійскимъ дворянствомъ всѣхъ своихъ необычайныхъ правъ, обдѣлывая ихъ законодательнымъ путемъ. Особенно рельефно выяснены особыя привилегіи ландтаговъ, которыя гораздо шире компетенціи нашей Государственной Думы и многихъ парламентовъ. Напримѣръ, ст. 83 тома II, гласитъ, что ландтагъ можетъ обсуждать: *„все, что касается правъ, пользы и учрежденія дворянскихъ обществъ или блага сею края“*. Въ какомъ направленіи прибалтійское дворянство использовало эту статью, даетъ указаніе ст. 563 закона, которая устанавливаетъ компетенцію ландратной комиссіи и ставитъ первѣйшей ея обязанностью: *„бдительное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ, учреждений и постояннымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества“*. На дѣлѣ всѣ эти привилегіи прибалтійскаго дворянства выразились такъ: *„все для насъ и ничего для другихъ“*.

Конечно, прибавимъ къ этимъ заключеніямъ лектора, что послѣ войны прибалтійское дворянство должно получить тѣ же права, какъ и вся Россія, и въ краѣ должно быть неотложно введено земство, какъ на всей святой Руси.

10-ю января. Вчера законодательная комиссія французской палаты одобрила проектъ Бриана, подвергающій тюремному за-

ключенію отъ одного до пяти лѣтъ и штрафу, отъ 500 до 2.000 франковъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ дѣлать попытки къ совершенію торговыхъ сдѣлокъ съ подданными враждебныхъ государствъ.

До настоящаго времени, секвестровано 4.001 германскихъ и австрійскихъ предпріятій. Правительство сдѣлало также распоряженіе о секвестрѣ имущества 2.187 гражданъ Германіи и Австріи <sup>1)</sup>.

Какой дивный, заслуживающій неотложнаго подражанія, законопроектъ!

Какъ онъ уменьшилъ бы (сразу позорную кучу русскихъ радѣтелей нѣмецкаго засилія. Сколько и сколько этихъ радѣтелей въ Петроградѣ. Ими хоть прудъ пруди.

Отъ штаба главнокомандующаго юго-западнаго фронта сообщается: „Изъ разспросовъ взятыхъ въ послѣднее время въ плѣнъ венгерцевъ выяснилось, что майоръ 22-го гонведнаго полка напутствовалъ людей, прибывающихъ для укомплектованія частей, слѣдующей рѣчью: „Когда будете въ Россіи, не щадите стариковъ, женщинъ и дѣтей, хотя бы находящихся въ утробѣ матери“ <sup>2)</sup>.

Извѣстный французскій ученый Викторъ Бераръ, специализировавшійся по восточному вопросу, въ докладѣ, прочитанномъ передъ аудиторіей, состоящей преимущественно изъ военныхъ, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ роль Россіи въ первый періодъ войны.

— Наступленіе русскихъ на Алленштейнъ способствовало побѣдѣ французовъ на Марнѣ; наступленіе русскихъ на Варту помогло англо-французской арміи разбить германцевъ на Изерѣ; развитіе операцій подъ Краковомъ облегчило Сербіи разгромъ австрійцевъ; наконецъ русскія побѣды на Кавказѣ разрѣшили вопросъ объ оборонѣ Египта <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“ 10 января сего года.

<sup>2)</sup> Телеграмма „Петрогр. Телегр. Агентства“ изъ Кіева отъ 10 января сего года.

<sup>3)</sup> „Новое Вр.“ 10 января сего года.

11-го января. Сообщаютъ, изъ Владивостока <sup>1)</sup>, что тамъ еще продолжается сильное нѣмецкое засилье. Нѣмцы такъ вліяютъ на мѣстную газету „Дальній Востокъ“, что тамъ появляются жирнымъ шрифтомъ сообщенія такого рода: „Гебенъ потопилъ транспортъ Прутъ“. Это преподносится вмѣсто дивнаго описанія геройскаго самовзрыва „Прута“, дабы не достаться врагу. Городъ кишитъ нѣмцами, всегда слышна нѣмецкая рѣчь, вездѣ нѣмецкія вывѣски нѣмецкихъ предпріятій.

Недавно тамъ была лотерея въ пользу нашихъ раненыхъ; въ ней принимали участіе тамошніе нѣмецкіе крезы Альберсъ, Бринеръ, Грютналь, Гирсъ, Ландшвагъ, Толле, Датанъ, фирма „Кунстъ и Альберстъ“, Ланилитте, Вартъ, Киргофъ, Ниссенъ, Петерсъ, Гросъ, „Сименсъ и Шукертъ“ и собрали 208 р. 57 к.

---

Въ Парижѣ 28 декабря напечатано, крайне желательное для подражанія, сообщеніе военнаго министерства слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе суроваго режима, которому подвергаются французскіе военноплѣнные въ Германіи, что установлено официальными документами, французское правительство дипломатическимъ путемъ энергично протестовало въ Берлинѣ и со своей стороны приняло на началахъ взаимности суровыя мѣры противъ германскихъ военноплѣнныхъ во Франціи. Впредь возвращеніе на родину германскихъ врачей и санитаровъ будетъ поставлено въ зависимость отъ возвращенія на родину французскаго санитарнаго персонала. Далѣе, по примѣру Германіи, прекращается выдача ежедневно пяти сантимовъ плѣннымъ солдатамъ и унтеръ-офицерамъ и раздача имъ табаку. Жалованье плѣннымъ оберъ- и штабъ-офицерамъ сокращено до 60 изъ 100 марокъ, а также измѣненъ режимъ питанія. Этими распоряженіями уже достигнуты нѣкоторые результаты, напримѣръ, въ смыслѣ облегченія переписки съ плѣнными французами въ Германіи. Правительство исполнено твердой рѣшимости продолжать придерживаться этого образа дѣйствій и примѣнять и впредь къ германскимъ плѣннымъ тотъ же режимъ, которому подвергаются плѣнные французы“.

---

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“ 11 января сего года.

12-ю января. Какъ председатель Комитета одного изъ лазаретовъ Великой Княжны Ольги Николаевны, я получилъ аудіенцію у Ея Императорскаго Высочества въ Царскомъ Селѣ въ Татьянинъ день.

Представленіе состоялось въ Александровскомъ дворцѣ при интересной обстановкѣ.

Я былъ введенъ въ большую залу, по стѣнамъ которой стояла масса растений и цвѣтовъ.

На противоположной отъ входа стѣны на фонѣ цвѣтовъ, точно видѣніе, стояла прелестная сестра милосердія. Это и была Великая Княжна Ольга Николаевна.

Передъ праздникомъ Рождества Христова Великая Княжна прислала прекрасные рождественскіе подарки, составленные Ею съ особымъ сердечнымъ вниманіемъ. Послѣ привѣта Великой Княжны и поздравленія съ именинами Августѣйшей сестры, я счелъ долгомъ отъ имени офицеровъ поблагодарить Ее за эти подарки.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся лазарета, который показывалъ, какъ близко къ сердцу принимала Великая Княжна все, что касалось Ея лазарета. Затѣмъ Ея Высочество поручила мнѣ передать Ея поклонъ всѣмъ раненымъ офицерамъ.

Долго послѣ этого представленія, передъ моими глазами представлялось очаровательное видѣніе Августѣйшей сестры милосердія на дивномъ фонѣ растений и цвѣтовъ.

---

Слышалъ рассказъ очень обстоятельнаго и правдиваго человека, недавно вернушагося изъ Франціи черезъ Италію, Сербію, Болгарію и Румынію.

Вся Франція и французская армія проникнута однимъ общимъ чувствомъ полнѣйшей увѣренности въ несомнѣнной побѣдѣ. Популярность генерала Жоффра въ арміи и во всей странѣ колоссальная. Единеніе между союзными англо-французскими арміями изумительное. Отношеніе союзниковъ къ Россіи и русскимъ войскамъ такое, лучше котораго нельзя желать.

Союзныя арміи чудно снабжены всѣми видами довольствія и рвутся въ бой.

Причиною паденія Антверпена было, по словамъ рассказчика, снабженіе крѣпостныхъ орудій съ завода Круппа негодными снарядами и устройство заблаговременно повсюду бетонныхъ основаній для тяжелыхъ германскихъ орудій, подъ ви-

домъ площадокъ для лаунъ-тенниса. Такія же площадки оказались передъ нѣкоторыми французскими крѣпостями (нѣтъ ли у насъ такихъ площадокъ въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и Юго-Западномъ краѣ).

При проѣздѣ по нейтральнымъ странамъ рассказчику оказывалось полное вниманіе, но особенно сердечно встрѣчали въ Сербіи, съ него не брали денегъ за провозъ по желѣзнымъ дорогамъ и въ Румыніи.

*13 — 16 января.* Послѣ изложенія въ нашихъ замѣткахъ военныхъ событій на всѣхъ фронтахъ, включительно по 16-е января, произошли слѣдующія боевыя дѣйствія. На лѣвомъ берегу Вислы, на Варшавскомъ фронтѣ германцы, по обыкновенію, гвоздили безуспѣшно наши позиціи у Боржимова, и Каміона.

Австрійцы начинаютъ проявлять усиленную дѣятельность въ восточныхъ Карпатахъ и Буковинѣ, повидимому, для освобожденія Перемышля. Они отбиты нами у Кирли-Бабы и Дуклы. Въ Восточной Пруссіи къ сѣверу отъ Тильзита, у Шильканена и Гумбинена наши войска начали наступленіе. На Кавказѣ въ прибрежномъ черноморскомъ Зачорохскомъ краѣ происходитъ упорный бой съ турками.

Германскій гидропланъ 12 января совершилъ свой воздушный набѣгъ на Либаву, но набѣгъ сей кончился для него плачевно. Наши войсковыя части и моряки подбили эту громаду, заставили ее сѣсть на воду, плѣнили весь его экипажъ,—а самую 500 футовую оболочку потопили въ морѣ, такъ какъ трудно было доставить ее до берега.

Сообщаютъ, что на сто километровъ кругомъ Берлина, вплоть до Стандала, вся мѣстность покрыта траншеями, проволочными загражденіями и площадками для орудій.

*18-го января.* Въ одной изъ нашихъ газетъ <sup>1)</sup> приведена выдержка изъ болгарской газеты „Единство“, и тамъ напечатано: „Австро-венгерскія и германскія побѣды надъ русскими продолжаются съ удивительной стремительностью“.

<sup>1)</sup> „Веч. Вр.“ 18 января сего года.



Передаютъ, что австрійское офицерство, по словамъ „Астр. Листка“, устроилось въ самой Астрахани съ полнымъ комфортомъ: живутъ на частныхъ квартирахъ, свободно, какъ хотятъ, проводятъ время, имѣютъ денщиковъ изъ своихъ же австрійскихъ солдатъ, получаютъ по женевской конвенціи „жалованье“ и чувствуютъ себя какъ дома.

Плѣнные солдаты исключительно славяне и румыны, живутъ въ казармахъ и подчинены нашему солдатскому режиму. По просьбѣ самихъ плѣнныхъ мѣстныя редакціи высылаютъ имъ свои газеты, по которымъ плѣнные учатся русскому языку. Солдатъ свободно отпускаютъ на прогулку по городу, сначала въ сопровожденіи караульныхъ, а теперь однихъ.

Военноплѣннымъ въ Германіи не разрѣшаютъ распоряжаться собственными деньгами, вслѣдствіе чего нѣкоторые страшно исхудали и ослабѣли. Дѣло доходитъ до того, что многіе изъ этихъ несчастныхъ обыскиваютъ ящики для отбросовъ, желая найти въ нихъ хоть крохи пищи. Дисциплина крайне строгая. За малѣйшую провинность виновнаго привязываютъ къ столбу, къ которому на высотѣ одного метра и 25 сантиметровъ прибита перекладина. Руки привязываютъ къ перекладинѣ и прикрѣпляютъ цѣпью, которая запирается на спинѣ висячимъ замкомъ. Въ такомъ положеніи несчастные остаются въ теченіе двухъ часовъ. Эта ужасная пытка особенно мучительна во время дождя или холодной погоды. Позорные столбы выставляютъ обыкновенно около дорогъ, и прохожіе издѣваются надъ несчастными, закованными въ цѣпи <sup>1)</sup>.

...„Владѣлецъ гастрономическаго магазина на территоріи нѣмецкаго старо-цементнаго завода въ Новороссійскѣ нѣмецъ г. Бацили въ переполненной публикой кофейнѣ Кишешняца не такъ давно громогласно заявилъ:

— Подождите, придетъ время, мы еще вамъ покажемъ. Нашъ Вильгельмъ знаетъ, что дѣлаетъ <sup>2)</sup>!

По требованію возмущенной публики, приставомъ перваго полицейскаго участка былъ составленъ протоколъ. Всѣ ожидали, что г. Бацили постигнетъ заслуженная кара, но, увы! Протоколъ былъ переданъ по мѣсту жительства г. Бацили на бла-

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“ 18 января сего года.

<sup>2)</sup> „Нов. Вр.“ 17 января сего года.

гоусмотрѣніе начальствующаго лица, вѣдающаго территоріей старо-цементнаго завода и, къ слову сказать, въ зданіяхъ онаго завода квартирующаго... И о столь серьезномъ дѣлѣ ни слуху, ни духу“.

Газета „Temps“ приводитъ текстъ приказа командующаго 58-й бригадой 14-го баварскаго корпуса генерала Штенгера, помѣченнаго 26-мъ августа: „Съ сегодняшняго дня плѣнныхъ больше не брать. Всѣхъ военно-плѣнныхъ, несмотря на ихъ значительное число, немедленно разстрѣлять. Также поступать и съ ранеными, вѣ въ зависимости отъ того, имѣютъ ли они при себѣ оружіе или нѣтъ“.

Въ Россіи существуетъ желѣзная дорога, принадлежащая двумъ нѣмецкимъ банкамъ, управляемая нѣмцами, съ предсѣдателемъ Правленія въ Берлинѣ. Это общество лифляндскихъ подъѣздныхъ путей отъ ст. Валкъ Сѣверо-Западныхъ дорогъ до ст. Штокмансгофъ Риго-Орловской желѣзной дороги. Долгъ этой дороги Казначейству и Государственному Банку составляетъ 60% основнаго капитала <sup>1)</sup>.

19 января. Прямо противно брать въ руки газету и читать непріятныя измышленія о скоромъ вступленіи въ активную борьбу нейтральныхъ державъ.

Южныя, нейтральныя, державы Италія, Греція, Румынія и Болгарія имѣютъ въ настоящую войну одну только цѣль: „и невинность сохранить и капиталъ пріобрѣсть“.

По нашему, обывательскому, мнѣнію державамъ тройственнаго согласія надлежитъ при окончательномъ расчетѣ сохранить полную политическую невинность нейтральныхъ державъ, хотя и на это, при пропускѣ черезъ ихъ территоріи боевыхъ и продовольственныхъ грузовъ для Германіи, Австріи и Турціи, и при торжественномъ пріемѣ турецкаго главнокомандующаго Гольцъ-паши, они не имѣютъ никакого права. Но что же касается до пріобрѣтенія при расчетѣ капитала, то, намъ кажется, что нейтральныя должны остаться въ своихъ прежнихъ предѣлахъ.

Поведеніе Италіи, Греціи и Румыніи еще можно объяснить: освободительныя громы побѣдъ Суворова въ сѣверной Италіи теперь уже совсѣмъ исчезли въ современной Италіи, залпы русскихъ орудій въ Наваринской битвѣ совершенно неизвѣстны

<sup>1)</sup> „Веч. Вр.“ 18 января сего года.

въ Греціи,—а про то, что Молдавія и Валахія усѣяныя русскими костями и политыя русской кровью,—про то тогдашніе влашки, а теперешніе румыны знать не хотятъ. Но Болгарія, Болгарія и Болгарія. Что можетъ быть гаже и позорнѣе поведенія Фердинанда, и его, подкупныхъ нѣмецкимъ золотомъ, правителей. Но говорятъ, что народъ за насъ, гдѣ же онъ?

При будущемъ заключеніи мира намъ надлежитъ неуклонно помнить освобожденіе русской кровью Пруссіи въ 1806—1807, 1813 и 1814 гг., созданіе Германіи, при благосклонномъ содѣйствіи Россіи, въ 1866—1870 г., освобожденіе Австріи въ 1799 и 1848 гг., освобожденіе Молдавіи и Валахіи, освобожденіе Болгаріи. Какой ужасный списокъ.

Не надо сажать нѣмцевъ правителей при будущей перекройкѣ карты Европы, во вновь создающихся государствахъ.

А что будетъ завоевано Россіей, то надлежитъ войти подъ державу Россійскую.

---

Недавно пришлось ѣздить изрядное количество времени по разнымъ частямъ Петрограда и я былъ пораженъ слѣдующимъ явленіемъ: я видѣлъ значительное, и весьма значительное, количество лазаретовъ для раненыхъ, устроенныхъ самыми отчаянными нѣмецкими акціонерными фирмами. По моему скромному, обывательскому мнѣнію, это страшный позоръ для Петрограда разрѣшать принимать такой подкупъ благорасположенія общественнаго мнѣнія и поднимать флагъ Краснаго Креста, въ столицѣ Имперіи съ такими несомнѣнными дѣятелями „Deutscher Banca“ и юбералистой Германіи.

---

Съ истиннымъ наслажденіемъ прочелъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ о награжденіи георгіемъ 4-й степени виновниковъ разгрома турецкой арміи на Кавказѣ—начальника штаба Кавказской арміи генераль-лейтенанта Николая Юденича и начальника Кубанской пластунской бригады, генераль-маіора Михаила Пржевальскаго.

---

За послѣдніе дни боевыя дѣйствія нашихъ войскъ сводились къ слѣдующему: Эрцгерцогъ Фридрихъ, главнокомандующій австрійской арміей, рѣшилъ во что бы то ни стало освободить

Перемышль и по ближайшимъ къ нему направлениамъ, по долинамъ Сана и Стрыя, вести самое энергичное наступленіе.

Эта самая главная операція союзныхъ войскъ противъ насъ. Наше сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго изображаетъ наши дѣйствія такимъ образомъ:

„На фронтѣ Карпатъ отъ перевала Дукла до перевала Вышковъ бои постепенно принимаютъ характеръ общаго сраженія. Австрійцы, стянувъ къ названному району Карпатъ свои войска, какъ съ сосѣднихъ участковъ, такъ и съ другихъ своихъ фронтовъ, обнаруживаютъ стремленіе вести наступленіе преимущественно долиной Верхняго Сана и путями, ведущими черезъ перевалы на Самборъ и Стрый“.

Къ австрійцамъ на Карпаты уже подѣхали германскія подкрѣпленія.

Къ юго-востоку отъ перевала Бескидъ наши войска уничтожили баталіонъ 224-го германскаго полка, и остатки этого баталіона попали въ плѣнъ.

Для отвлеченія нашего вниманія отъ Карпатъ Гинденбургъ ведетъ яростныя, многочисленныя, атаки на Варшавскомъ фронтѣ на Боржимовъ, Сохачевъ, Болимовъ, дер. Гуминъ и ф. Могелы. Эти атаки подготовлялись ураганнымъ, продолжительнымъ огнемъ тяжелыхъ и легкихъ орудій.

Атаки велись значительными силами, упорно, въ густыхъ строяхъ, съ значительными поддержками въ тылу. Результатъ всѣхъ этихъ атакъ былъ одинъ и тотъ же: всѣ онѣ были отбиты съ страшными потерями для германцевъ.

Эти дивизіи, которыя германцы посылаютъ на желѣзный фронтъ Гуминъ-Болимовъ, называются дивизіями смерти. Вотъ какъ ихъ описываетъ одинъ изъ корреспондентовъ <sup>1)</sup>:

„По показанію плѣнныхъ на эту линію стягиваются войска изъ Лодзи черезъ Скерневицы и изъ Торна черезъ Ленчицы. Однѣ части приходятъ на мѣсто другихъ, приходятъ дивизіи и уходятъ роты.

— Мы смѣняемъ мертвыхъ,—говорятъ нѣмцы...

— Когда я шелъ въ атаку,—разсказывалъ рослый баварецъ— я видѣлъ передъ русскими окопами бруствера и не понималъ, изъ чего они сложены... Меня ранили, я повалился, поползъ

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“, № 13964 с. г.

въ вашу сторону и тутъ разглядѣлъ, что на брустверахъ замерзшіе, обвалявшіеся въ землѣ, трупы моихъ товарищей.

Между нашими и вѣмецкими окопами нѣсколько сотъ шаговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линіи окоповъ подходятъ меньше, чѣмъ на сто шаговъ. Труповъ, при всемъ желаніи, подбирать нельзя. Они лежатъ недѣлями, замерзаютъ и, если ихъ подтаскиваютъ ближе къ окопамъ, образуются груды тѣлъ, похожія на бруствера.

Вся сила нѣмецкаго натиска по-прежнему направлена на Гуминъ и Болимовъ. Передъ узкой полоской гуминскаго лѣса и у Воли Шидловской, которая послѣдніе дни упоминалась въ сообщеніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго, нѣмцы поставили нѣсколько рядовъ артиллеріи и третью недѣлю развиваютъ такой ураганный огонь, что порою при ясной погодѣ звуки отдаленной канонады доносятся въ окрестности Варшавы.

Я три дня провелъ подъ Гуминомъ за нашими окопами и съ трудомъ засыпалъ на нѣсколько часовъ отъ гула и грохота, которые преслѣдовали даже ночью, проникали въ хату, трясли ее, какъ былинку, и готовы были снести все на своемъ пути. Словомъ, океанъ бушевалъ подъ окнами и гигантскія волны съ шумомъ и трескомъ разбивались о скалы. Девятымъ валомъ вкатывалась тяжелая артиллерія и въ морѣ звуковъ тонули и легкія орудія, и трескъ пулеметовъ, и безсмѣнные орудійные залпы.

За густымъ, бѣлымъ туманомъ не было видно разрывовъ и только моментами, какъ молнія, прорѣзывали молочную пелену желтоватыя вспышки у нашихъ мортиръ.

Офицеръ, рассказывавшій о наступленіи и рисовавшій его съ поразительной ясностью, сидитъ почти круглыя сутки въ передовомъ окопѣ. Передъ нимъ непріятель, и онъ однимъ изъ первыхъ даетъ знать, когда приближаются нѣмцы.

— Идутъ нѣмцы плечо къ плечу,—продолжаетъ офицеръ,—шеренгами человекъ по шестнадцать. Черезъ каждыя двѣ шеренги интервалъ шаговъ въ пятнадцать... Замѣтьте, идутъ размѣреннымъ, замедленнымъ шагомъ, а вовсе не бѣгутъ... Другое дѣло, когда наши пристрѣляются—тутъ уже нѣмцы теряютъ всякое самообладаніе.

Заговорили о вчерашнемъ дѣлѣ, когда нѣмцы вели упорныя атаки въ теченіе шести часовъ. И наблюдатель рассказалъ то, чего не приходилось видѣть не только намъ, военнымъ корреспондентамъ, но и людямъ, бывалымъ въ бояхъ.

— Когда я сообщилъ командиру участка, что нѣмцы пошли колоннами, онъ отдалъ приказъ не стрѣлять и подпустить противника возможно ближе. Подпустили шаговъ на полтораста и сразу взяли артиллеріей, пулеметами и ружейными залпами... Гляжу въ трубку и не отрываюсь: вижу, нѣмцы падаютъ, корчатся на землѣ, ползаютъ, а до ушей доносится стонъ и вой...

Офицеръ смолкъ и, немного подумавъ, добавилъ:

— Просидишь на наблюдательномъ пунктѣ недѣли двѣ и совсѣмъ охотникомъ-звѣроловомъ становишься“...

На правомъ берегу нижней Вислы близъ Серпца происходили боевыя столкновения съ германцами, а въ Восточной Пруссіи были бои у Гумбинена и Палькалена. Тамъ боевыя дѣйствія происходили при сильномъ снѣжномъ покровѣ, и къ нашей статьѣ приложены фотографіи конной батареи на позиціи и снимки нашей пѣшей развѣдки.

На Черномъ морѣ нашъ флотъ встрѣтилъ крейсера „Меджидіе“ и „Бреслау“, которые преслѣдовались нашими крейсерами до темноты.

Одинъ изъ нашихъ миноносцевъ произвелъ лихой набѣгъ на Трапезундъ.<sup>1)</sup>

*20-ю января.* Наше военное духовенство проявило въ эту великую войну великіе подвиги мужества и пастырскаго служенія нашимъ войскамъ. Руководимые своимъ достойнѣйшимъ протопресвитеромъ, отцомъ Георгіемъ Шавельскимъ, находящимся въ рядахъ дѣйствующей арміи, чины высшаго духовенства, не зная устали, покойно и величаво свершаютъ свое служеніе. Они безстрашно подъ огнемъ ходятъ по окопамъ, совершаютъ тамъ служеніе, выносятъ раненыхъ, напутствуютъ умирающихъ. Яркимъ изображеніемъ такихъ дѣяній является описаніе служенія на австрійскомъ фронтѣ отца Поліевкта <sup>1)</sup>.

„Молодой еще іеромонахъ Дивногорскаго Успенскаго монастыря, высокій, стройный, съ добрымъ лицомъ и красивыми добрыми глазами, весь отдался своему пастырскому служенію. Про него можно сказать некрасовскими словами — „гдѣ горе слышится, гдѣ тяжело дышится—онъ первый тамъ“. Беззавѣтно смѣлый и глубоко религіозный, о. Поліевктъ спѣшитъ туда, гдѣ въ данный моментъ наибольшая опасность, гдѣ непрерывно рвутся неприятельскіе снаряды и шрапнели и свистятъ пули.

Ждутъ не дождутся солдаты его пріѣзда въ окопы и сами

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“, 20 января сего года.



Въ восточной Пруссіи: На развѣдкѣ.



Въ восточной Пруссіи: Конная батарея на позиціи.





говорятъ; что „потомъ легче дѣлается“. Знаютъ о. Поліевкта далеко вокругъ не только свои, но и чужіе, наперерывъ приглашаютъ его къ себѣ совершить ту или иную потребу, или просто поговорить.

Никогда не отказывается о. Поліевктъ отъ приглашеній. Быстро осѣдлывается его горячая буланая лошадка, такъ же быстро одѣваетъ онъ свою шубу и мѣховую шапку съ наушниками; какъ истый кавалеристъ, вскакиваетъ въ сѣдло, въ одной рукѣ поводъ, а въ другой кожаный сакъ съ облаченіемъ, Дарами, евангеліемъ и крестомъ, и мчится туда, гдѣ его уже ждутъ съ нетерпѣніемъ. Лучшаго знатока мѣстныхъ дорогъ на много десятковъ верстъ кругомъ нѣтъ, ни одинъ ординарецъ ихъ такъ не знаетъ.

— Окопный батюшка, что я говорить,—говорятъ про него и удивляются даже военные.

Слава о. Поліевкта растетъ, его знаютъ далеко отъ этихъ мѣстъ, чуть ли не подъ Львовомъ, и вспоминаютъ съ большимъ уваженіемъ“.

Какіе удивительные люди наши солдатики, это передаетъ картинно слѣдующее сказаніе <sup>1)</sup>.

16-го декабря 1914 года былъ посланъ изъ Сарыкамыша на Али-Софи и Эль-Кечмесъ рекогносцировочный отрядъ изъ казачьяго полка и казачьей батареи.

Во время этой рекогносцировки былъ смертельно раненъ въ голову бомбардиръ-наводчикъ 2-го орудія, казакъ Болдыревъ (Грозненскаго отдѣла). Командиръ батареи подскочилъ къ умирающему и спросилъ: „Болдыревъ, скажи, что передать дѣтямъ твоимъ“?

Умирающій попросилъ воды; ему дали горсточку снѣга, которую онъ и проглотилъ. Командиръ батареи повторилъ свой вопросъ. Пришедшій немного въ себя Болдыревъ прошепталъ: „Ключъ, ключъ возьмите: онъ къ шашкѣ привязанъ“! и съ этими словами умеръ.

Командиръ батареи думалъ, что онъ говоритъ о ключѣ къ какому-нибудь дорогому для покойнаго сундучку; оказалось, что это былъ ключъ для установки дистанціонныхъ трубокъ...

Съ такими воинами, которые думаютъ объ исполненіи своего служебнаго долга буквально до послѣдняго издыханія, святая Русь не погибнетъ!

<sup>1)</sup> „Нов. Вр.“, 20 января сего года.

21-го января. Привожу сказаніе совѣмъ изъ другой оперы о томъ, какъ, по словамъ „Саратовскаго Листка“, прекрасно живетъ въ Саратовѣ въ лазаретѣ № 2 плѣннымъ раненымъ австрійцамъ и германцамъ. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ намъ раненый солдатикъ, типа Болдырева.

Въ день Рождества по новому стилю плѣннымъ нанесли много подарковъ. Тогда мы, русскіе, говорили: „Пусть и они празднуютъ. Въ ихъ праздникъ намъ подарковъ не дали. На наше Рождество тоже были подарки, и лазаретная администрація выдала ихъ и русскимъ солдатамъ и плѣннымъ. Плѣнные занимаютъ въ лазаретѣ лучшія помѣщенія, кровати у плѣнныхъ съ сѣтками, съ двумя матрацами, мягкія, а русскимъ раненымъ въ началѣ даже и досокъ подъ матрацы не давали. Бѣлье съ плѣнныхъ мѣняется чуть ли не черезъ три дня, а русскіе получаютъ чистое бѣлье значительно рѣже. Кормятъ насъ всѣхъ одинаково хорошо. За это спасибо. Но вотъ не соблюдается очередь въ прогулкахъ. Когда приходитъ очередь гулять русскимъ, то или намъ не выдаютъ платья, или же сестры сопровождать не желаютъ. А съ плѣнникомъ сестры ходятъ. Онѣ и одѣваютъ плѣнныхъ, и оправляютъ костюмъ“.

Невольно возникаетъ вопросъ: да правда ли, что это происходитъ въ русскомъ городѣ Саратовѣ, а не въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ. И это дѣлается тогда, когда германцы такъ варварски обращаются съ нашими плѣнными.

---

Слышалъ, что кайзеръ роздалъ 500.000 желѣзныхъ крестовъ, но не удостоилъ гр. Цеппелина сего отличія, такъ какъ очень недоволенъ дѣйствіями его дирижаблей.

Недавно по сообщенію „Ewening News“ состоялся военный совѣтъ изъ высшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ председательствомъ Вильгельма; на этомъ совѣтѣ обсуждался новый планъ войны въ той части, которая касалась весьма важныхъ и экстренно принимаемыхъ мѣропріятій въ ближайшемъ будущемъ.

Интересно было бы знать, какими данными вызывались эти экстренныя мѣропріятія. Конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, что при наличіи полнѣйшаго спокойствія на нашемъ западномъ, союзномъ, фронтѣ, мѣропріятія эти несомнѣнно будутъ касаться дѣйствій противъ русскихъ войскъ.

---

Извѣстный нашъ писатель Чириковъ, въ одной изъ своихъ талантливыхъ корреспонденцій, описываетъ жизнь въ лазаретѣ въ передовомъ отрядѣ <sup>1)</sup>:

„Тяжелы были моменты первыхъ смертей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда была надежда, хотя и слабая, спасти молодую жизнь.

Такъ было съ поручикомъ Г. 23-лѣтній юноша, съ едва пробившимися усиками, съ пухомъ на подбородкѣ, синеглазый и нѣжный, онъ сразу привлекъ общее вниманіе и симпатіи. Тяжко раненый въ нижнюю часть живота на-вылетъ, онъ старался не стонать и все пробовалъ улыбаться намъ. Самъ продиктовалъ телеграмму матери и сестрамъ: „Я раненъ тяжело, но есть надежда“, а мы всѣ знали, что надежды мало, ибо были уже признаки начавшагося воспалительнаго процесса зараженія крови. Трогательны были отношенія поручика и его молоденькаго денщика, который, какъ нянька или кормилица, все вздыхалъ въ углу корридора и все рассказывалъ, какой хорошей, душевный человекъ его баринъ. Только два дня прожилъ несчастный юноша. Почти до послѣдняго часа онъ былъ въ сознаніи, зналъ уже, что умереть.

— Нѣтъ... Конецъ всему... Умираю, докторъ... Я уже плохо вижу...

Позвалъ денщика и сказалъ ему:

— Пошли телеграмму, что я скончался тихо, безъ мученій...

А денщикъ стоялъ въ ногахъ съ поникшей головой и отиралъ слезы. Къ утру юноша скончался. Денщикъ одѣлъ на него полную форму; положили покойнаго въ простой черный гробъ.

— Эхъ, Костя, Костя! — шепталъ денщикъ, отирая слезы рукавомъ, и мы всѣ потихоньку дѣлали то же.

На другой день похоронили. Денщикъ вернулся и все терся въ лазаретѣ, потерянный какой-то, словно онъ потерялъ свой центръ жизни... И всѣмъ рассказывалъ про Костю.

Но зато какую радость приносятъ моменты, когда почти безнадежный случай начинаетъ принимать благопріятный исходъ. Тогда плачутъ отъ радости. Поступилъ въ лазаретъ солдатъ, раненый въ голову. Ему сдѣлали трепанацію черепа, вынули осколки косточекъ изъ мозга. Нѣсколько дней онъ былъ въ безсознательномъ положеніи, осложненномъ еще произвольными движеніями конечностей: правая рука и нога раненаго

<sup>1)</sup> „Русское Слово“, 12 января сего года.

находились вѣчно въ движеніи, и было жутко видѣть, какъ широко раскрытые, бессмысленные глаза смотрѣли въ одну точку, а рука все что-то ловила и вращалась, словно хотѣла схватиться за что-то. Такъ и днемъ, и ночью, — всегда... Уже считали дѣло конченнымъ. Какъ вдругъ рука и нога перестали искать опоры, глаза стали закрываться и раскрываться. Попробовали дать ложку бульона, — проглотилъ. Радость обуяла весь персоналъ палаты. На другой день больному показали найденный при немъ фотографическій портретъ. Онъ долго и удивленно смотрѣлъ, потомъ улыбнулся и прошепталъ:

— Мама“...

---

22—29 января. За эти дни придется отмѣтить много событій высокаго историческаго интереса.

23 января Государь Императоръ изволилъ прибыть въ дѣйствующую армію и посѣтилъ 27-го Ровно и Кіевъ, а 29-го Полтаву <sup>1)</sup>.

---

Наши союзники придерживались оборонительнаго образа дѣйствій. Планъ эрцгерцога Фридриха освободить во что бы то ни стало Перемышль начинаетъ осуществляться съ особой энергіей. Громадныя силы австрійцевъ наваливаются на Карпатскіе проходы по прямому направленію на Перемышль. Наши войска стянуты съ переваловъ Тухолки и Бескиды, на заранѣе приготовленныя позиціи. Въ Буковину въ обходъ нашего лѣваго фланга на Карпатахъ стягивались массы австрійцевъ, и намъ приходится тамъ отходить.

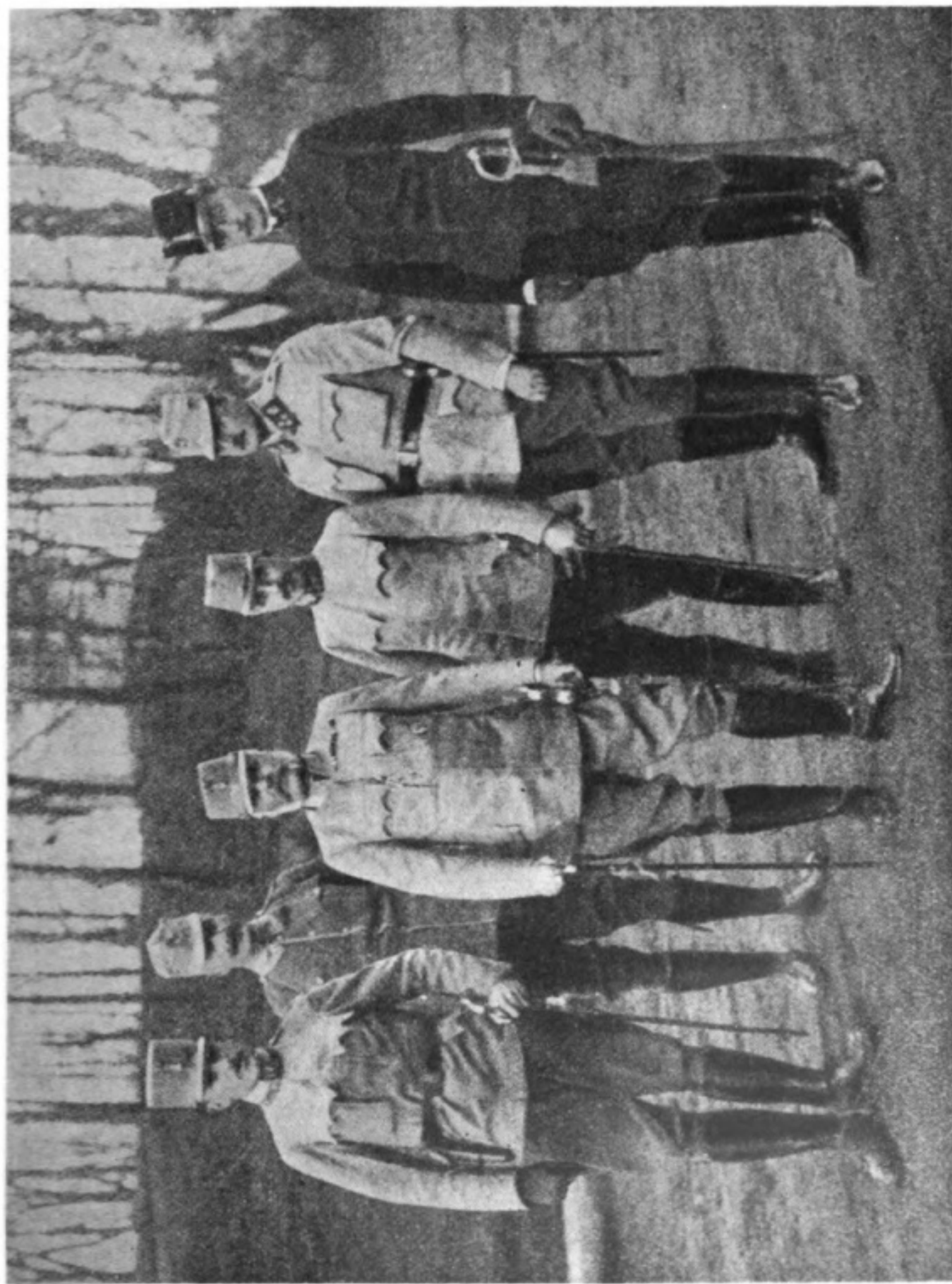
Германцы шлютъ сильныя подкрѣпленія на Карпаты своимъ милымъ союзникамъ. Эти германскія войска появляются тамъ на знаменитой отнынѣ Козювкѣ и начинаютъ долбить безчисленными атаками наши доблестныя войска. По словамъ нашихъ донесеній, число этихъ атакъ въ сутки доходитъ до 22. Козювка находится также на пути къ Перемышлю.

Я лично полагаю, что эти германскія войска состоятъ изъ храбрыхъ, но упрямыхъ и тупыхъ баварцевъ или саксонцевъ. Своихъ пруссаковъ они берегутъ для своихъ прусскихъ предѣловъ.

За это время германцы свои удары на насъ направили въ три мѣста: на Козювку, на Варшавскій фронтъ, въ районъ Сохачевъ, Болимовъ, Гуминъ и Воля Шидловская, гдѣ произво-

---

<sup>1)</sup> „Рус. Инв.“ 24, 28 и 30 янв. с. г.



Наш и враги: Главнокомандующий австрийской армией фельдмаршалъ эрцгерцогъ Фридрихъ со своими приближенными, рѣшившій во что бы ни стало освободить Перемышль.



дили неистовыя атаки съ 18 по 24 января, а затѣмъ здѣсь все стихло и нѣмцы укатили свои значительныя силы въ Восточную Пруссію, дабы осуществить завѣтный планъ Вильгельма вытѣснить насъ изъ дорогой ему и прусскимъ юнкерамъ восточной Пруссіи и подготовить тамъ весенніе засѣвы.

Такъ вотъ въ чемъ заключался новый германскій планъ, сообщенный англійской газетой „Evening News“. Наши войска стали отступать отъ линіи Мазурскихъ озеръ изъ Восточной Пруссіи къ своимъ границамъ. Направленіе этого Гинденбургскаго наступленія вѣроятно будетъ по августовскому рецепту 1914 года—на сообщенія Варшавы съ Петроградомъ и на желанный имъ Осовець, согласно положенія построенныхъ въ мирное время сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Наступленіе это ведется необычайно стремительно, не вполне понятно и неизвѣстно по какимъ именно причинамъ.

Болѣе подробныя данныя имѣются у насъ для изложенія наступленія на Варшавскомъ фронтѣ съ 18 по 24 января.

Эти страшные бои происходили въ теченіе 6 сутокъ: при чемъ германцы съ необычнымъ упорствомъ и ожесточеніемъ стремились прорвать нашъ фронтъ на протяженіи Боржимовъ, Могелы, Воля Шидловская и пробиться къ Варшавѣ, сначала баталіонами, затѣмъ полками, дивизіями и корпусами. Послѣдніе дни атака велась почти четырьмя корпусами, на участкѣ около 10 верстъ, въ густыхъ колоннахъ, такимъ образомъ, что дивизія развертывалась на фронтѣ одной версты.

Всѣ эти бои велись при ураганной стрѣльбѣ германской полевой и тяжелой артиллеріи.

Вотъ какъ описываютъ въ корреспонденціяхъ эти бои <sup>1)</sup>.

„Не прекращавшійся весь день 17-го января артиллерійскій огонь къ ночи этого дня достигъ огромной силы. Со стороны нѣмцевъ загремѣли орудія батарей, которыя до этого дня были скрыты и не вводились въ дѣйствіе. Ночью артиллерійскій бой достигъ небывалой силы. Вспышки выстрѣловъ сливались въ сплошныя полосы и площади огня; выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ съ такой быстротой, что сливались въ одинъ сплошной гулъ. Земля и воздухъ буквально дрожали, а къ утру 18-го января весь горизонтъ заволочся дымомъ.

Къ утру 18-го января бой былъ въ полномъ разгарѣ. Со стороны нѣмцевъ въ дѣло были введены три съ половиной — четыре дивизіи. При этомъ обнаружилось, что на фронтѣ Бор-

<sup>1)</sup> „Рус. Сл.“ 23 янв. с. г.

жимовъ—Могелы—Воля-Шидловская сосредоточена германская артиллерія трехъ корпусовъ,—нѣсколько сотъ орудій.

42-сантиметровыя орудія выбрасываютъ огромное количество снарядовъ. При взрывѣ эти снаряды даютъ не черный дымъ, а желтый, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Всѣ окрестности пропитались этимъ дымомъ.

Пылаетъ Воля-Шидловская, пылаютъ сосѣдніе деревни, фольварки... Насколько хватаетъ глазъ, весь горизонтъ въ огнѣ. Длинные языки пламени и черные столбы дыма взвиваются къ небу. Съ визгомъ и воемъ прорѣзаютъ воздухъ гранаты и разрываются съ шипѣніемъ и трескомъ. Пулеметы, ружейные выстрѣлы, громъ орудій порой сливаются въ общій гулъ, и тогда слышно словно клокотаніе адскаго котла, вокругъ котораго дьяволы совершаютъ свой шабашъ“.

Приводимъ описаніе одной изъ ночныхъ атакъ германцевъ <sup>1)</sup> Ночь не то что бы черная-черная, а какая-то зловѣще-темная. На небѣ смутно видятся густыя облака. Кажется, они свисаютъ на землю. А на землѣ—грохотъ, стонъ, вой. Сотни чудовищъ чиркаютъ страшными спичками по небу, и огненные нити перекрещиваются въ поднебесьѣ въ запутанный клубокъ. Гдѣ-то леденящимъ огнемъ вспыхиваютъ одинъ, два, три дьявольскихъ глаза прожекторовъ и, какъ стая голодныхъ волковъ, снуютъ по полямъ, выскивая себѣ добычу. Взвиваются ракеты. Сверкнувъ сверху, загорятся и на невидимыхъ крыльяхъ спускаются, освѣщая всю мѣстность внизу подъ собою. Отъ прорѣзывающихъ мракъ огненныхъ нитей, ледяныхъ лучей прожекторовъ и отъ ракетныхъ огней ночная тьма выступаетъ еще гуще и мрачнѣе. А внизу то загадочная тишина, то вдругъ тысячекратное ружейное „та-та-та-та, та-та-та-та, та-та-та-та“. Сбоку пулеметы: „такъ-такъ-такъ-такъ-такъ“. И затѣмъ „ура“. Крики. О, эти страшные, таинственные крики во тьмѣ! Кто кричитъ? Почему кричитъ? Побѣда ли тамъ? Вой злости? Или вскрики страданія?.. Столкнулись тысячи людей во тьмѣ и въ сплошной кашѣ колютъ, бьютъ, душатъ другъ-друга. Смолкли крики... и снова вспыхнули. Обостренно-чуткое ухо различаетъ радостное „ура“ однихъ и какой-то звѣриный, полный ужаса вой другихъ. Грохотъ орудій смолкъ,—гдѣ тутъ стрѣлять по смѣшанной кашѣ? Стихла и ружейная трескотня. Только гдѣ-то въ невѣдомой тьмѣ шумитъ и гремитъ многотысячная „ярмарка“. Идетъ рукопашный торгъ жизни и смерти.

<sup>1)</sup> „Рус. Сл.“ 27 янв. с. г.



— „Ура“ наше! Наши кричатъ! Отбили нѣмцевъ!—облегченно вздыхаютъ у насъ по всей линіи, захваченной боемъ“.

И всѣ эти пьяныя яростныя шестидневныя, дневныя и ночныя атаки германцевъ были отражены нашими чудо-богатырями, взявшими на седьмой день нѣсколько непріятельскихъ укрѣпленій и заставившими непріятеля перейти къ оборонѣ. Потери германцевъ исчисляются въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

Вотъ какъ германцы объясняютъ причины, почему они вели пьяныя атаки <sup>1)</sup>.

„Выдержать безъ конца повторныя и всѣ отбитыя съ громадными потерями атаки нѣтъ никакой возможности: силъ человѣческихъ не хватитъ, обыкновенные нервы не выдержать. Такъ у нѣмцевъ и стало почти обычнымъ правиломъ,—какъ и писалось уже не разъ,—посылать колонны въ атаку, напоивъ ихъ допьяна.

— Строго научный расчетъ, — объяснилъ одинъ раненый плѣнный германскій офицеръ. — Въ бою мнѣ надо отъ солдата наивысшую, предѣльную силу духа, которую онъ и можетъ дать только въ крайне возбужденномъ состояніи. Разсчитывать на общее, массовое многочасовое напряженіе и возбужденіе до самозабвенія было бы ошибкою. Мы и бьемъ навѣрняка: возбуждаемъ атакующую силу искусственно. Что съ нимъ будетъ послѣ боя,—намъ безразлично. Важно, чтобы онъ шелъ въ бой, какъ быкъ, съ глазами, отъ ярости налитыми кровью.

Такъ, разъяреннымъ стадомъ быковъ, не думающихъ о преградахъ и даже смерти, нѣмецкія колонны и прутъ въ атаку. Даже когда ихъ ошпарятъ ливнемъ пуль и повернутъ назадъ штыками и прикладами,— нѣмецкіе солдаты, даже захваченные въ плѣнъ и втащенные въ наши окопы, не могутъ успокоиться: они вырываются изъ рукъ и кидаются куда-то за окопы, въ нашу сторону.

— Стой! Куда ты?—держатъ наши солдаты.

— Варшаву, Варшаву! Варшау, Варшау! — дико вопятъ и тупо смотрятъ впередъ мутными, пьяными глазами плѣнные.

Другіе, втащенные въ наши окопы и согнанные здѣсь въ кучу, безъ оружія, кидаются на нашихъ солдатъ и, схвативъ ихъ за грудь, кричатъ ломанымъ языкомъ:

— Дай Варшау! Дай Варшау“!

<sup>1)</sup> „Рус. Сл.“ 27 янв. с. г.

На Черномъ морѣ крейсеръ „Бреслау“ обстрѣливалъ Ялту. Наши миноносцы на Черномъ морѣ произвели лихой набѣгъ на Ризе, Трапезундъ и Платанъ, а нашъ флотъ обстрѣливалъ Хопу.

27-го января присутствовалъ во второмъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы. Оно началось молебствіемъ въ знаменитой круглой залѣ Таврическаго дворца при полномъ составѣ Государственной Думы и всѣхъ министровъ съ маститымъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ во главѣ ихъ. Начальное пѣснопѣніе молебна „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“ — положило нравственное начало всему молебствію и затѣмъ всему засѣданію. Все служеніе исполнялось съ особой торжественностью, а равно и многолѣтіе Всему Царствующему Дому и доблестной дѣйствующей арміи и флоту.

По окончаніи молебствія всѣ ложи были до такой степени наполнены публикой, стоявшей по всѣмъ скамьямъ, что черезъ эту толпу нельзя было видѣть зала Государственной Думы и депутатовъ. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ еще можно было видѣть это знаменательное историческое собраніе, была ложа дипломатическаго корпуса, позади которой нашлось свободное мѣсто и для петроградскаго обывателя.

Засѣданіе открылось чтеніемъ Высочайшаго манифеста, покрытаго громкимъ ура, а затѣмъ пѣніемъ всѣми депутатами нѣсколько разъ народнаго гимна.

Въ это засѣданіе народный гимнъ неоднократно прерывалъ его въ самыхъ выдающихся мѣстахъ патріотическаго настроенія всѣхъ присутствующихъ.

Исполненные высокаго патріотизма и историческаго значенія рѣчи произнесли Предсѣдатель Государственной Думы, Предсѣдатель Совѣта Министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а равно и многіе депутаты Государственной Думы. Конечно, Предсѣдателю Государственной Думы, начавшему говорить первымъ въ его всеобъемлющей, высокоталантливой рѣчи пришлось до такой степени использовать весь историческій матеріалъ, что другимъ уже пришлось повторять его.

Смыслъ всѣхъ рѣчей былъ одинаковъ у всѣхъ: горячая любовь къ родинѣ, страстная признательность доблестямъ арміи и флота и непоколебимая рѣшимость довести войну до блестящаго конца.

Наиболѣе страстными порывами подъема духа всего собранія были встрѣчены слова М. В. Родзянко—о земномъ поклонѣ Государю Императору за отрезвленіе Россіи. На это слово какъ одинъ человекъ поднялась вся Государственная Дума, какъ одинъ человекъ запѣла народный гимнъ, и повторяла его много разъ.

Бурныя оваціи оказала Государственная Дума доблестямъ арміи и флота, а равно и представителямъ союзныхъ государствъ и въ первый разъ представителю союзной Японіи, а также министру иностранныхъ дѣлъ прежде, нежели онъ сталъ говорить.

Очень сильную рѣчь произнесъ депутатъ отъ крестьянъ.

Все это засѣданіе прошло въ общемъ непоколебимомъ убѣжденіи, не взирая ни на какія жертвы, довести войну до блестящаго конца.

Позорныя дѣянія германцевъ надъ нашими плѣнными не прекращаются.

Приводимъ описанія дѣяній этихъ со словъ очевидцевъ <sup>1)</sup>.

„Недалеко отъ дома, въ которомъ сидѣлъ я, стояла группа нѣмецкихъ солдатъ, держа связаннаго по рукамъ казака.

Казакъ былъ безъ носа, и кровь ручьемъ лилась по окровавленному лицу. Но онъ держалъ себя молодцомъ и во всю пушилъ по-русски обступившихъ его враговъ. Черезъ стекло было кое-что слышно.

— Ну, что жъ, черти!—кричалъ казакъ,—отрѣзали носъ, рѣжьте и уши.

Представьте мой ужасъ и злость: они съ крикомъ и смѣхомъ отсѣкли сначала одно, затѣмъ другое ухо и, выколотивъ глаза, развязали веревку и, толкнувъ, отошли въ сторону. Больше я смотрѣть не могъ“.

Другой случай представляется такъ:

„5 ноября рядовой N пѣхотнаго полка П. К., раненый шрапнелью навывлетъ въ правое бедро, былъ подобранъ германцами и доставленъ на перевязочный пунктъ.

Страдая отъ боли и жажды, онъ просилъ помощи, но получилъ лишь одно обѣщаніе; въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, не-

<sup>1)</sup> „Бирж. Вѣд.“ и „Нов. Вр.“ 21 января.

перевязанный, оставался нашъ воинъ до 7 часовъ утра слѣдующаго дня, когда одинъ изъ врачей подошелъ къ нему и сдѣлалъ, наконецъ, довольно своеобразную перевязку; въ открытую рану вставилъ изогнутый по дугѣ кусокъ желѣза длиною около 10, шириною 1 $\frac{1}{4}$  сантиметра, затомпонировалъ этотъ дренажъ съ обѣихъ сторонъ грязной тряпкой и, отобравъ отъ раненаго индивидуальный пакетъ, ушелъ.

Утромъ 8 ноября деревня, гдѣ лежалъ раненый П. К., была занята нашими войсками, и врачи перемѣнили ему эту необыкновенную повязку.

Вынутый изъ раны кусокъ желѣза хранится у старшаго врача N пѣхотнаго полка, какъ вещественное доказательство“.

*30 января.* Среди жителей Константинополя по настоящее время сохраняется такое преданіе:

Когда султанъ Магометъ II взялъ Константинополь, то онъ поѣхалъ верхомъ въ храмъ Св. Софіи, гдѣ совершалась тогда литургія и двери храма были заперты. Султанъ приказалъ разломать эти двери. Это было исполнено, и Магометъ II на лошади въѣхалъ въ храмъ. Литургія уже кончалась, и священникъ со Св. Дарами вошелъ въ алтарь. Стѣна алтаря разверзлась, скрыла священника съ Св. Дарами и затѣмъ закрылась вновь.

Далѣе преданіе гласитъ, когда русскіе возьмутъ Константинополь и будетъ тамъ свершаться въ первый разъ литургія, то стѣна вновь раскроется, и изъ нея выйдетъ священникъ со Св. Дарами.

В. П.

